Научная статья

УДК 14(420)

DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.008

Натурализация, труд и рынок: три эссе Джона Локка

Анатолий Александрович Яковлев

Независимый исследователь, Москва, Россия

yakovlev1632@gmail.com

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод трех эссе Джона Локка (1632–1704), не опубликованных при его жизни и никогда не публиковавшихся в России: «О всеобщей натурализации» (1693), «Труд» (1693) и “Venditio” (1695). Все они написаны в период после Славной революции 1688–1689 годов и затрагивают злободневные политические темы постреволюционной Англии. В результате экономического и финансового кризиса 1690-х годов в стране резко упал уровень жизни и возник дефицит ресурсов, возместить который Локк предполагал за счет труда и мировой торговли. Локк подчеркивает основополагающую роль труда как основы счастья и общего блага. В «совершенствовании ума» он видит способ снижения политической напряженности, а призывая двор отказаться от широко распространенных привычек к роскоши и пустому времяпрепровождению, надеется на то, что личный пример правителя поможет ввести в моду честный труд. Он также выступает против ксенофобии и предлагает доводы, доказывающие безопасность и необходимость натурализации. Несмотря на то что в Билле о натурализации 1693 года имелась в виду прежде всего помощь гугенотам, бежавшим в Англию после отмены Нантского эдикта (1685), Локк рассматривает этот вопрос в более общем плане и говорит о пользе труда любых мигрантов, стремящихся в качестве натурализовавшихся и потому лояльных подданных принять участие в приумножении национального богатства. Аргументы Локка в пользу свободы рыночных цен сопровождаются важными оговорками, подразумевающими традиционные схоластические концепции моральных ограничений рынка, а также милосердия в случаях «абсолютной необходимости».

Ключевые слова: богатство, гугеноты, ксенофобия, милосердие, помощь бедным, пример правителя, абсолютная необходимость, общее благо, Славная революция, схоластическая традиция.

Для цитирования: Яковлев А. А. Натурализация, труд и рынок: три эссе Джона Локка // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 3 (72). С. 78–87. DOI: [10.37724/RSU.2021.72.3.008](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.008).

Original article

Naturalization, Labor and Market: Three Essays by John Locke

Anatoly Aleksandrovich Yakovlev

Independent researcher, Moscow, Russia

yakovlev1632@gmail.com

Abstract. The article presents three essays written by John Locke (1632–1704): “For a General Naturalization” (1693), “Labor” (1693), “Venditio” (1695). The essays were not published during the philosopher’s lifetime and have never been previously translated into Russian. Written in the aftermath of the Glorious Revolution (1688–1689), the three essays focus on political issues facing post-revolutionary England. The economic and financial crisis of the 1690s had a direct impact on the living conditions of the population and resulted in resource deficit which Locke planned to overcome by means of labor and international trade. Locke underlines the pivotal role of labor as a prerequisite for common wellbeing. Locke believes that the improvement of the mind is a way to reduce political tension. He maintains that it is essential that courtiers should give up luxurious and degrading habits. He believes that a ruler’s example will promote honest labor. Locke lambasts xenophobia and advocates naturalization. Despite the fact that the Naturalization Act of 1693 granted assistance to Huguenots who fled to England after the repeal of the Edict of

Nantes of 1685, Locke treats the issue in a broader sense and advocates that migrant workers willing to become naturalized and loyal to their new country are a great asset in augmenting the national wealth. Promoting free market prices, Locke underlines the necessity of holding to the scholastic concept of economic ethics and of setting standards of fairness and compassion in transactions.

Keywords: wealth, Huguenots, xenophobia, compassion, aiding the poor, rulers' examples, absolute necessity, common good, Glorious Revolution, scholastic tradition.

For citation: Yakovlev A. A. Naturalization, Labor and Market: Three Essays by John Locke. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021; 3 (72):78–87. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.008.

Эссе «О всеобщей натурализации» (Houghton Library, Harvard University, MS Eng. 818, p. 1–5) было написано Локком в ходе обсуждения английским парламентом в декабре 1693 года билля “Bill for the Naturalizing of all such Protestants as shall take the Oath to their Majesties, and the Test against Popery” («Билль о натурализации всех протестантов, которые принесут клятву верности Их Величествам и пройдут проверку на неприятие папства»), который постигла судьба предыдущих и последующих попыток принять соответствующий закон. По мнению публикаторов, Локк написал свой текст, надеясь повлиять на исход дебатов.

Доводы в защиту натурализации были хорошо известны, их можно было встретить, например, в произведениях Уильяма Петти (1623–1687) и Джосаяи Чайлда (1630–1699); впрочем, гораздо более широкое хождение имели прямо противоположные аргументы, доказывавшие вред и смертельную опасность иммиграции и натурализации для английской идентичности и самого существования нации. В 1693 году под «натурализацией» понималось не столько переселение в Англию гугенотов, бегство которых из Франции приобрело масштабный характер после отмены Нантского эдикта (1685), сколько предоставление им гражданских прав и свобод. В стране была широко распространена ксенофобия, достигшая новых высот после голландского вторжения 1688 года и восшествия на английский трон «иностранца» Вильгельма III. Билли о натурализации предлагались (и каждый раз отвергались) и ранее — в период Реставрации, в 1679 и 1680 годах, а также еще при жизни Локка в 1689, 1690 и 1697 годах. В 1707 году соответствующее законодательство было все же введено, но три года спустя отменено. И лишь в 1844 году был принят Акт об иностранцах (Aliens Act), допускавший натурализацию женщин через заключение брака с англичанами, а натурализацию мужчин — торговцев и лиц других профессий — по специальному разрешению министерства внутренних дел.

Для понимания позиции Локка важно знать, что для него мигрант — прежде всего субъект трудовой деятельности, основы богатства и экономического роста нации, а не пушечное мясо для завоеваний и грабежа новых территорий [Resnick, 1987]. Примером для Локка является Голландия, показывающая, что для процветания нации необходимы производство и торговля, а для этого требуются рабочие руки, в том числе руки лояльных мигрантов.

«Труд» (1993) представляет собой запись в “Adversaria 1661” (pp. 310–311; частная коллекция, микрофильмы в Houghton Library, Harvard University, MS. Eng. 860.1 и Bodleian Library, MS. Film 77). В этом тексте обычно видят врачебную рекомендацию и объединяют его с теми местами в “Some Thoughts concerning Education” (1693) [Axtell, 1968, p. 114], где Локк говорит о необходимости гармонии тела и ума в процессе воспитания и образования детей и юношества. П. Келли, впрочем, предлагает иную интерпретацию и связывает Локка с Френсисом Бэконом и Сэмюэлем Гартлибом [Kelly, 1991, p. 100], гресившими об обществе изобилия, достигаемом благодаря «умножению знания». Еще один публикатор, Д. Вуттон, считает «Труд» комментарием к «Утопии» Томаса Мора и замечает, что оптимизм «Труда» разительно отличается от мрачного описания незавидной судьбы людей физического труда в “An Essay concerning Human Understanding” [Locke, 1975, pp. 706–707]. Но и в «Труде» оптимистические надежды кажутся заведомо неосуществимыми, как и призыв к правителям отказаться от показной роскоши и пустого времяпрепровождения и личным примером ввести в моду «честный труд».

Внимание привлекают идеи «направления» и «перераспределения» труда, а также стоящая за рассуждением Локка идея счастья и «общего блага» человечества. В отличие от других английских авторов, также видевших в труде ключ к процветанию, Локк ставит в дополнение к этому вопрос о соотношении труда умственного и физического, что способно вызвать у российского читателя старшего поколения ностальгические воспоминания. В «совершенствовании ума»,

которым следовало бы частично занять людей физического труда, Локк видит также путь к преодолению пагубной «покорности» простого народа незаконным и несправедливым приказам честолюбивых и злонамеренных «грандов».

Наконец, третье публикуемое эссе, “Venditio” («Продажа») (1695), представляет собой запись в той же записной книжке, “Adversaria 1661” (pp. 268–269), и посвящено «критериям» справедливой цены на рынке. М. Голди и другие комментаторы и публикаторы отмечают его сходство с обсуждениями в рамках схоластической традиции, идущей от Аквината [Swanson, 1997], или даже считают “Venditio” «подражанием» первому разделу 77 вопроса 2-й части второй книги «Суммы теологии» — «О совершаемых при купле-продаже грехах и об имеющем место мошенничестве» [Guzman, Munger, 2014, p. 47]. Помимо этого, Локк воспроизводит идеи Дунса Скота и Педро де Валенсия, а также дает неявные ссылки на нормы Римского права, на Цицерона («Об обязанностях»), а из современников — на У. Петти [Kelly, 1991, pp. 496–500]. Локк пишет о «строгой справедливости» в сфере торговли, а с другой стороны, о милосердии как важнейшем долге «продавца как человека». Д. Вуттон (рассматривая “Venditio” вместе с хорошо известным меморандумом Локка 1697 года по поводу закона о бедных, “An Essay on the Poor Law” [Goldie, 1997, pp. 182–198]) пишет, что, согласно “Venditio”, бедные люди обязаны наравне с богатыми платить за товары на рынке максимальную цену, за исключением случаев крайней нужды. Но Вуттон неправ: принцип «абсолютной нужды», ограничивающий свободу продавца назначать любую цену, играет ключевую роль в развиваемой Локком концепции базовых прав, которыми человек обладает от природы (natural rights).

В “Venditio” приводятся примеры обстоятельств, при которых право собственности перестает носить абсолютный и священный характер (например, в условиях голода). Из этого следует, что к экономической свободе и праву частной собственности Локк добавляет «общее благо», которое определяется как «сбережение человечества». В “Some Thoughts Concerning Education” он делает следующий шаг и ставит «общее благо» на пьедестал «истинного принципа, который должен регулировать религию, политику и мораль» [Axtell, 1968, p. 226]. В силу этого милосердие из вспомогательного инструмента рыночного регулирования становится высшим моральным долгом. По той же логике «общего блага» моральным долгом становится и исполнение строгих законов рынка. “Venditio” завершается гимном свободе торговли, а дополнение Локка о «месте продажи» вносит еще один довод в пользу рыночной справедливости.

В период после Славной революции, которая (как считали те, кто принимал в ней участие, а среди них был и Локк) должна была в самом скором времени принести нации изобилие, Англии пришлось вместо этого испытать резкое падение экономики и уровня жизни. То, что в период относительного материального благополучия 1680-х [Waddell, 2015] казалось таким близким и осуществимым, в 1690-х натолкнулось на острую нехватку финансовых и трудовых ресурсов и оживило традиционные схоластические аргументы, апеллировавшие к «общему благу» и милосердию.

О всеобщей натурализации ¹

Натурализация — самый краткий и простой способ увеличения численности населения, который применяли все мудрые правительства, например, предоставляя отцам семейств привилегии, такие как *ius trium liberorum* у римлян.

Причина в том, что:

1) сила любой страны и любого правления заключена в людях, и это настолько ясно, что не нуждается в доказательстве;

2) богатство любой страны зависит от численности ее населения.

Об этом говорят самые разные примеры. Приведу всего один, сравнив Голландию и Испанию. Последняя пользуется всеми преимуществами своего географического положения и богатствами, ежегодно поступающими из ее владений, однако из-за нехватки рабочих рук это самая бедная страна в Европе. Голландия расположена не лучшим образом, однако густонаселена и потому весьма богата. Несмотря на ощутимое, как мне представляется, истощение, вызванное долгой и тяжелой войной, она продолжает в ней участвовать, что доказывает ее силу и богатство. И я спрашиваю: если бы население Англии сократилось вдвое, разве не пришли бы соответственно этому в упадок ее сила и богатство, несмотря на преимущества расположения, порты и стойкость народа?

¹ Здесь и далее перевод наш. — А. Я. Перевод выполнен по изданию: Locke on Money : in 2 vols. Vol. 2 / Ed. by P. H. Kelly. Oxford : Clarendon Press, 1991. Pp. 487–503.

В этом, если подумать, нет ничего странного. В отличие от того, что было в прошлом, сегодня богатства мира составляют не обширные площади плодородной земли, дающие зерно, овец и скот для удовлетворения местных потребностей в пище и питье, а торговля, которая приносит деньги и с ними все остальное.

Торговля состоит из двух элементов, и оба они больше всего нуждаются в изобилии рабочих рук:

1 — производство,

2 — транспортировка или навигация.

Целью производства является изготовление как можно большего количества товаров и их возможно более широкая продажа, и для того и другого необходимы люди.

Нет нужды доказывать, что чем больше рабочих рук, тем больше можно произвести. Менее очевидно, что от этого зависят и продажи, и поэтому я разъясню это чуть подробнее.

Во всех производствах большую часть стоимости составляет труд. Поэтому ясно, что там, где дешевле труд, дешевле и товары. И я спрашиваю: разве изобилие рабочих рук не делает работу дешевле? И не будет ли то, что стоит на рынке дешево, продано первым и не обгонит ли оно по продажам другие товары того же рода?

Несмотря на строгие законы, запрещавшие вывоз из страны шерсти — сырья для нашего главного производства и предмета многих жалоб, которые можно было слышать до войны с французами (надеюсь, что сегодня для этого больше нет оснований), что, несмотря на эти законы, необработанную шерсть продолжали вывозить из владений нашего короля во Францию. Строгость законов не могла это остановить, но, полагаю, если бы у нас было достаточно рабочей силы в шерстяной промышленности, и вся наша шерсть перерабатывалась по низким расценкам, и была возможность (а она должна быть) свободно и без ограничений ею торговать, ни один фунт шерсти не вывозился бы из страны, ибо то, что можно купить и использовать с выгодой внутри страны, не будут покупать по более высокой ставке и перерабатывать, используя такую же или более дорогую рабочую силу за рубежом. И я спрашиваю: разве не выгодно и не полезно было бы перевезти и поселить здесь, в Англии, всех французов, занятых во Франции в производстве этой шерсти? И разве не ясно, что и необработанная шерсть, и одежда из нее имели бы тогда совсем другую стоимость? А если это не так, то зачем нам вообще шерстяная промышленность, и почему бы не продавать нашим соседям всю необработанную шерсть?

Ежегодно большой объем рапсовых семян поступает из Англии в Голландию, где из них делают масло, которое привозят сюда и продают нам же, что было бы невозможно, если бы труд в Голландии не был дешевле и не приносил выгоду. Ибо сколько каждый человек производит и затем продает за рубежом, столько же благодаря его труду получает его страна, даже если он не откладывает ни фартинга: деньгами, получаемыми из-за рубежа за то, что производит его труд, он платит фермеру и скотоводу за хлеб, мясо и другие товары, производство которых он тем самым поддерживает, как если бы он был иностранцем, тратящим здесь свою ренту и обогащающим нашу страну.

Но, возможно, возразят, что к нам будут приезжать не производители, а бездельники.

Отвечу на это, что никто не станет переезжать в другую страну в надежде жить за счет труда других людей, разве что считанные единицы, и хотя, возможно, наши очень неудобные законы о помощи бедным дают основания надеяться на это, они все же принимались не для иностранцев, и в любом случае средства на такие пособия можно исключить из приходских расходов. Ибо никому не позволено бездельничать, да еще по закону, и поэтому иностранцам придется рассчитывать только на то, что они привезут с собой, а это либо имущество, либо трудолюбие, которые, и то и другое, одинаково выгодны нашему королевству.

Спросим любого: а не много ли уже у нас народа? Думаю, никто так не считает. Ибо пропорционально продукции и территории мы, скорее всего, не достигаем и половины того, что имеет Голландия. Но, может быть, народа у нас достаточно? Это тоже вряд ли верно, ибо у нас нет и половины того населения, которое имеет Голландия и благодаря которому она богатеет. Но, чтобы не оставалось сомнений, достоверно известно, что ни одна страна не может стать слишком населенной из-за иностранцев, ибо те, кто привозит имущество для содержания себя, пополняет ее богатство. А если людей в стране уже так много, что ремесленники и простые работники не смогут жить здесь своим трудом лучше, чем у себя на родине, то нет и причин для беспокойства: никто не станет переезжать ради того, чтобы ухудшить свое положение. Поэтому можно спокойно открыть двери и позволить иностранцам свободно переселяться: их труд безусловно выгоден, ибо этим они

будут оплачивать здесь то, что они едят и чем пользуются, если только не раздавать им это бесплатно. Но этого, конечно, не будет.

Мне приходилось слышать возражение, что они едят наш хлеб. Это столь же неверно, сколь верно признание, что их труд дешевле и лучше, ибо кто же оставит без работы соотечественника и наймет иностранца по каким-то другим причинам? И можно ли считать неудобством то, что заставит соотечественников понизить неоправданно высокие ставки и работать прилежнее? Нехватка людей повышает расценки и делает труд дорогостоящим и одновременно менее добросовестным. Кроме того, можно ли говорить, что иностранцы едят наш хлеб, если они, натурализовавшись, становятся такими же англичанами, как мы? Единственное их отличие — другой язык, однако это поправимо, поскольку их дети вырастут полноценными англичанами, как те, кто жил здесь со времен Вильгельма Завоевателя и прибыл вместе с ним. Ибо нет никакого сомнения, что большинство наших предков были иностранцами.

Вторым важнейшим элементом торговли является транспортировка. Именно из нее голландцы извлекают огромную выгоду, нанимая такое количество народа для навигации и транспортировки товаров из одной страны в другую. Это было бы невозможно без тех, кто, стремясь найти работу и довольствуясь поначалу тем, что можно получить дома, затем приступают к поиску работы в других странах. Незнание языка и трудности, преследующие иностранцев, удерживают обычных людей от рискованных перемен в жизни. Поэтому не стоит бояться, что из-за легкой натурализации страну наводнят иностранцы. Но, поскольку люди являются ценным товаром, мы можем приглашать одних и сохранять других — тех, кого привели к нам перемены в жизни. И это не может не принести нам выгоду.

Еще одно часто высказываемое возражение состоит в том, что натурализация увеличит число бедных.

Если под бедными имеются в виду те, у кого нет ничего, кроме собственных рук, то люди, живущие своим трудом, вряд ли будут для нас обузой: именно им, главным образом, мы и обязаны всем своим богатством.

Если же бедными считать тех, кто хочет получать пособие и, бездельничая, жить за счет труда других, — и если среди нас уже есть такие бедные, которые способны работать, но не работают, — то это позор для правительства и просчет законодательства, и должно быть изменено, ибо, если это будет продолжаться, мы разоримся независимо от того, сколько у нас будет людей, много или мало. Но если не позволять бездельничать людям и не потакать лентяям, живущим среди нас, то чем больше будет у нас народа, тем лучше: это позволит оказывать щедрую помощь тем, кого возраст или какой-то несчастный случай лишит способности самостоятельно добывать средства к существованию.

Труд

Нельзя не видеть знак доброты Божией в том, что Он поставил нас в этой жизни перед настоятельной необходимостью труда, и не только для того, чтобы удержать человечество от злодеяний, к которым так склонны бездельничающие мерзавцы. Труд является благом и для добродетельных и праведных, которые с его помощью могут спастись от болезней праздности или недугов, вызванных сидячей жизнью за книгами. Полдня полезного труда принесло бы обитателям Земли изобилие средств к существованию и жизненных удобств. Если бы двор и берущие с него пример нижестоящие гранды не тешили свою спесь и тщеславие ленью и пустым времяпрепровождением — собственным и других людей — и не считали честный труд в полезных и механических ремеслах крайне постыдным, то усердная в науках и малоподвижная часть человечества, а также богачи и знать не были бы лишены этой природной и надежной защиты от болезней. Именно этим объясняются уныние, подагра и другие расстройства, от которых чахнут на протяжении многих лет жизни представители лениво-сластолюбивой либо прилежно-неподвижной частей человечества. Многих из тех, кто корпит над книгами или занят плотскими утехами, сплин или подагра лишили мыслей или конечностей, не позволив дойти даже до середины пути и превратив в бесполезных членов общества в том зрелом возрасте, когда люди более всего работоспособны! Напротив, трезвый и работающий ремесленник или скромный трудолюбивый сельчанин исправно выполняют свои обязанности и бодро ведут дела вплоть до преклонных лет. Так что если подсчитать, сколько времени из-за хвори, недомогания и медицинских предписаний потеряют впоследствии те, кто занят одним только совершенствованием ума, то самый благосклонный расчет покажет, что если бы они тратили четыре, нет, шесть часов ежедневно на занятие каким-нибудь трудом, то имели бы сегодня больше времени на науку, а не страдали от

недугов и подорванного здоровья, причиной которых нередко становится пренебрежение физическим трудом. Посвятив половину суток восстановлению сил и отдыху от серьезных дел, оставшиеся двенадцать часов можно было бы поделить между телом и умом, и тогда, думаю, здоровье первого и совершенствование второго были бы вполне обеспечены. По моим расчетам, шесть часов в день, направленные на науку, дадут человеку возможность продвинуться в совершенствовании ума в той мере, в какой это позволят его способности, и достичь большего, чем достигает и может достичь большинство ученых, доживающих до старости. Ибо, как я уже сказал, тот, кто в страстном поиске знаний тратит на добывание средств к существованию минимум времени, посвящая его уму, в конце концов приходит к выводу, что это экономия дурного сорта, поскольку теперь он вынужден тратить на заботу о своем разрушенном теле больше времени, чем когда-то неразумно у него отнял. Поэтому, посвятив шесть часов в день уму, оставшиеся шесть можно оставить телу и сохранению здоровья. Шесть часов труда в день, посвященные какому-нибудь честному призванию, обеспечат и нужды тела, и здоровье в пользовании ими. Если такое распределение двенадцати часов покажется несправедливым или недостаточным для поддержания положения в обществе, пропорцию можно немного изменить: пусть джентльмен и ученый тратят девять часов из двенадцати на свой ум, размышляя и читая, остальные три посвящая какому-нибудь честному труду, а человек физического труда тратит девять часов на работу, а три часа на знания. Благодаря этому человечество сможет обеспечить себя — в большей степени, чем сегодня, — всем необходимым для жизни и избавиться от чудовищного невежества и жестокости, которым многие сегодня повсеместно предаются из-за нерадивости и безразличия властей, занятых собственной карьерой и забывших о счастье народа, а вместе с ним о спокойствии и безопасности самих себя. Если отказаться от роскоши и тщеславия и их инструментов и ввести в моду честное и полезное производство вместе со всем, что к этому прилагается, то честолюбию не останется места и обладание властью не будет выливаться в раздачу наград и демонстрацию гордыни и спеси, а образованный народ не позволит использовать себя в качестве орудия амбициозных и беспокойных людей. Население, наученное своему долгу и избавленное от слепой веры и невежества, с помощью которых их принуждают к послушанию, будет нелегко склонить к бунтам и волнениям, устраиваемым по капризу и хитрости коварных и обиженных грандов. Подведем итог. Нет сомнения, что, если бы труд правильно направлялся и распределялся, в мире было бы больше знания, спокойствия, здоровья и изобилия, чем сегодня. И человечество было бы гораздо счастливее.

Venditio

На вопрос о критерии, который должен регулировать цену того, что продается, удерживая ее в границах права и справедливости, отвечу кратко так: это должна быть рыночная цена в месте продажи. Кто следует этому правилу при продаже чего бы то ни было, тот не мошенничает, не занимается вымогательством и принуждением и не должен чувствовать никакой вины, при условии, что в его товарах нет недостатков.

Разъясню это более подробно.

Никто не станет продавать в этом году ниже 10 шиллингов за бушель пшеницу, которая год назад продавалась по 5 шиллингов. Согласно вышеупомянутому правилу, это не вымогательство, потому что такова в этом году рыночная цена, а если кто-то начнет продавать по более низкой ставке, то не станет благодетелем для потребителей, потому что другие продавцы скупят его зерно, а затем продадут другим по рыночной ставке и получат выгоду и часть причитавшихся ему денег. Если же, чтобы не допустить этого, он начнет продавать свою пшеницу по заниженной ставке только бедным, то это будет проявлением милосердия, а не исполнением требований строгой справедливости. Ибо справедливость требует, чтобы мы продавали всем покупателям по рыночной ставке, поскольку, если несправедливо продавать бедным по 10 шиллингов за бушель, то несправедливо продавать его по 10 шиллингов и богатым, ибо справедливость одна для всех людей. Если же вы считаете, что он обязан продавать по ставке ниже рыночной также и богатому потребителю — но не спекулянту и не посреднику, — то на это я отвечаю, что неизвестно, не перепродаст ли богатый покупатель это зерно и не выручит ли в результате деньги, которые потеряет первый продавец. А если скажут, что незаконно продавать на этой неделе по 10 шиллингов то же зерно, которое в прошлом году или на той неделе продавалось по 5 шиллингов, потому что его ценность сегодня не выше, чем она была тогда, не имея никаких новых качеств, делающих его лучше прежнего, то я отвечу, что, действительно, его натуральная ценность остается прежней, потому что оно не накормит больше людей и не сделает это лучше, чем в прошлом году, но все же зерно будет стоить больше по своей, так сказать, политической или коммерческой ценности, которая

определяется отношением объема пшеницы и количества денег в данном месте и потребностью в том и другом. Та же рыночная ставка действует в отношении вещей, продаваемых в магазинах или частных домах, и в соответствии с ней человек продает одному человеку не дороже, чем продал бы другому. Тот, кто использует неведение, прихоть или нужду других людей, продавая тесьму, одежду и т. п. одному дороже, а другому дешевле, занимается мошенничеством. Но для вещей, которые человек не выставляет на продажу, рыночная цена регулируется не близлежащим рынком, а ценностью, которую придает им сам владелец.

Например, у Р есть лошадь, которая ему нравится и подходит для каких-то целей, а Q хочет ее купить. Р говорит, что лошадь не продается, но Q просит назвать любую цену. Р называет цену и получает 40 фунтов за лошадь, которая на рынке или ярмарке принесла бы не больше 20 фунтов. Но, допустим, Q отказывается платить 40 фунтов, а на следующий день приходит R, желающий купить эту лошадь, которая так ему необходима, что если он ее не купит, то понесет потери в каком-то гораздо более важном деле. Р знает об этой нужде, и если в этом случае он заставит R заплатить 50 фунтов за лошадь, которую ранее продал бы Q за 40 фунтов, то оказал на R давление и будет виновен в вымогательстве и грабеже 10 фунтов, так как не продал ему лошадь по той же цене, по какой продал бы ее другому по установленной им самим рыночной ставке в 40 фунтов, но использовал нужду R для вымогательства 10 фунтов сверх того, что, по его же оценке, было справедливой ценой, при том что деньги одного человека ничем не отличались от денег другого. Однако он не причинил вреда Q, взяв свои 40 фунтов за лошадь, которая на ближайшем рынке принесла бы не больше 20 фунтов, потому что продал ее по рыночной ставке того места, где она продавалась, а именно в его собственном доме, где он никому не продал бы ее дешевле, чем продал Q. Но если бы с помощью какой-нибудь хитрости он разжег желание Q купить эту лошадь или, сыграв на его прихоти, продал ему дороже, чем продал бы другому человеку, то тоже совершил бы мошенничество. Однако тому, чем человек владеет, он может придавать любую ценность, какую пожелает, и не поступит против справедливости, если продаст это за любую цену при условии, что не станет делать различий между покупателями и отдаст одному по той же цене, что и другому. Подчеркиваю, что он не поступит против справедливости; другой вопрос, не поступит ли он против милосердия.

Предположим для более полного освещения этого вопроса, что некий коммерсант из Данцига направляет груженные зерном суда — одно в Дюнкерк, где не хватает зерна и жители находятся на грани голода, и там продает свою пшеницу по 20 шиллингов, а другое судно — в соседний Остенде, где продает ее всего по 5 шиллингов. Спросят: не является ли это принуждением и несправедливостью — пользуясь нуждой в Дюнкерке, продавать там по 20 шиллингов тот же товар, который продается в четыре раза дешевле всего в двадцати милях от этого места? Отвечаю: нет, не является, потому что он продает по рыночной ставке того места, где находится, но продает там Томасу не дороже, чем продал бы Ричарду. А если бы он продавал дешевле, чем стоит его зерно, то отдал бы свою выгоду другому, который, скупив у него зерно по заниженной цене, перепродал бы его другим по полной рыночной ставке. Кроме того, поскольку у торговца нет никакой другой меры выгоды, кроме рыночной цены в том месте, куда он приходит, то, если бы существовала какая-то другая мера, например предельная выгода в 5 или 10 процентов, в мире не было бы торговли и человечество лишилось поставок зарубежных товаров, необходимых для комфортной жизни. Ибо покупатель, не зная, сколько стоил торговцу товар и его перевозка, не может ограничивать его прибыль пятью или десятью процентами и потому должен руководствоваться только одним правилом — покупать как можно дешевле, что часто приносит прямой убыток торговцу, когда он приходит на плохой рынок, где он не волен, как на хорошем рынке, продавать как можно дороже. Обязательство нести определенные потери, часто без какой-либо надежды на компенсацию, быстро положит конец любой торговле. Поэтому правилом, общим для покупателя и продавца, является то, что если первый должен покупать на рынке как можно дешевле, то второй должен продавать там как можно дороже: каждый рискует и надеется на успех, что, благодаря взаимным и постоянно меняющимся потребностям в деньгах и товарах у покупателя и продавца, приводит к достаточно равной и справедливой выгоде.

Но хотя тот, кто продает свое зерно в голодающем городе по самой высокой ставке, которую может за него получить, не поступает против общего правила торговли, все же, если он решит не продавать, пока покупатели не дадут больше, чем они способны дать, или начнет вымогать, пользуясь их нуждой, так много, что это лишит их впоследствии средств к существованию, то нарушит общее правило милосердия как человек, а если кто-либо из-за его вымогательства погибнет, то будет, вне всяких сомнений, виновен в убийстве. Ибо, хотя всякая выгода торговца основана исключительно на потребностях покупателя, неважно, что это — нужда или какая-то

причуда, — торговец не должен пользоваться этим, чтобы погубить его и нажиться на его смерти. Выгода подобного рода до такой степени недопустима, что он обязан нести потери и делиться тем, что ему принадлежит, ради спасения другого человека от гибели.

Дюнкерк, куда английский торговец привозит свое зерно, в силу нужды, испытываемой его жителями, оказывается хорошим рынком, на котором он сможет продать свое зерно по рыночной ставке в 20 шиллингов за бушель. Но если в то же самое время житель Дюнкерка решит приехать в Англию, чтобы купить зерно, то продавать ему не по рыночной ставке, а заставлять платить, пользуясь нуждой, которую испытывает его страна, не по 5 шиллингов, как всем другим, а по 10 шиллингов, будет вымогательством.

Некий корабль, имеющий на борту лишний якорь, встречает в море другой корабль, который потерял все якоря. Какова справедливая цена, по которой следует продать якорь бедствующему кораблю? Отвечаю: это должна быть та же цена, по которой этот якорь был бы продан кораблю, не попавшему в беду. Ибо это все еще рыночная ставка, по которой любая вещь была бы продана кому угодно, кто не бедствует и не испытывает в ней абсолютной нужды. В этом случае капитан судна должен при ее оценке учитывать дальность своего путешествия, сезон и моря, в которых он плавает, и риск, на который пойдет, расставшись со своим якорем. Подумав обо всем этом, он, возможно, решит вообще не расставаться с якорем ни за какие деньги, но если примет другое решение, то должен взять за него с бедствующего корабля не больше, чем с любого другого. Мы видим здесь, что цена, которую он когда-то заплатил за якорь и которая была рыночной ценой в другом месте, не играет никакой роли в определении цены, по которой он справедливо продает его, находясь в море. И поэтому я предлагаю брать в расчет *место, где продается вещь*, т. е. критерием при оценке чего бы то ни было для продажи является рыночная цена этой вещи там, где она продается. В силу этого очевидно, что вещь в одном месте может законным образом продаваться по ставке, превышающей рыночную ставку в другом месте, пусть даже расположенном неподалеку от первого, на 10, 20 и даже 100 процентов, и в десять раз дороже. Таковы мои мысли экспромтом по данному вопросу.

Список источников

1. Forde S. The Charitable John Locke // *The Review of Politics*. — 2009, Summer. — Vol. 71, no. 3. — Pp. 428–458.
2. Guzman R. A., Munger M. C. Euvoluntariness and just market exchange: moral dilemmas from Locke's *Venditio* // *Public Choice*. — 2014. — N 158. — Pp. 39–49.
3. Locke J. *An Essay concerning Human Understanding* / Ed. by P. H. Nidditch. — Oxford : Clarendon Press, 1975. — 748 p.
4. Locke on Money : in 2 vols. / Ed. by P. H. Kelly. — Oxford : Clarendon Press, 1991. — 664 p.
5. Locke: Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 409 p.
6. Locke: Political Writings / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis/Cambridge : Hackett Publishing Company, 1993. — 479 p.
7. Resnick D. John Locke and the Problem of Naturalization // *The Review of Politics*. — 1987, Summer. — Vol. 49, no. 3. — Pp. 368–388.
8. Swanson S. G. The Medieval Foundations of John Locke's Theory of Natural Rights: Rights of Subsistence and the Principle of Extreme Necessity. *History of Political Thought*. — 1997, Autumn. — Vol. 18, no. 3. — Pp. 399–459.
9. The Educational Writings of John Locke / Ed. by J. L. Axtell. — Cambridge : Cambridge University Press, 1968. — 442 p.
10. Waddell B. The Politics of Economic Distress in the Aftermath of the Glorious Revolution, 1689–1702 // *The English Historical Review*. — 2015, Apr. — Vol. 130, no. 543. — Pp. 318–351.

References

1. Forde S. The Charitable John Locke. *The Review of Politics*. 2009, Summer, vol. 71, no. 3, pp. 428–458.
2. Guzman R. A., Munger M. C. Euvoluntariness and Just Market Exchange: Moral Dilemmas from Locke's *Venditio*. *Public Choice*, 2014, no. 158, pp. 39–49.
3. Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*. Nidditch P. H. (ed.). Oxford, Clarendon Press Publ., 1975, 748 p.
4. Kelly P. H. (ed.). *Locke on Money* : in 2 vols. Oxford, Clarendon Press Publ., 1991, 664 p.
5. Goldie M. (ed.). *Locke: Political Essays*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1997, 409 p.

6. Wootton D. (ed.). Locke: Political Writings. Indianapolis, Cambridge, Hackett Publishing Company Publ., 1993, 479 p.
7. Resnick D. John Locke and the Problem of Naturalization. *The Review of Politics*. 1987, Summer, vol. 49, no 3, pp. 368–388.
8. Swanson S. G. The Medieval Foundations of John Locke's Theory of Natural Rights: Rights of Subsistence and the Principle of Extreme Necessity. *History of Political Thought*. 1997, Autumn, vol. 18, no. 3, pp. 399–459.
9. Axtell J. L. (ed.). The Educational Writings of John Locke. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1968, 442 p.
10. Waddell B. The Politics of Economic Distress in the Aftermath of the Glorious Revolution, 1689–1702. *The English Historical Review*. 2015, April, vol. 130, no. 543, pp. 318–351.

Информация об авторе

Яковлев Анатолий Александрович — кандидат философских наук, независимый исследователь.
Сфера научных интересов: политические и философские взгляды Джона Локка, методы интеллектуальной истории.

Information about the author

Yakovlev Anatoly Aleksandrovich — Candidate of Philosophy, independent researcher.
Research interests: John Locke's political and philosophical views, methods of intellectual history.
Contact information: email: yakovlev1632@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.02.2021; одобрена после рецензирования 17.03.2021; принята к публикации 25.04.2021.

The article was submitted 25.02.2021; approved after reviewing 17.03.2021; accepted for publication 25.04.2021.